

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

О НЕКОТОРЫХ «ДЕШИФРОВКАХ» ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ ЭПИТАФИИ

А. А. Туаллагов

Общепринятым в науке является решение об алано-осетинском характере основной части Зеленчукской эпитафии. Вместе с тем, к настоящему времени известны и публикации, в которых сделаны попытки ее дешифровки на основании иных северокавказских языков с соответствующими историческими выводами. Их череду открывали публикации А. Ж. Кафоева [1, 4-23, 49, 54-55, 59-61, 65, 88, 92-93; 2, 4-13], которые показательны и как первые такие публикации, и как основа для последующих публикаций подобного рода. Они были подвергнуты жесткой критике со стороны специалистов [3, 151-154; 4, 46-58]. Мы также остановимся на данном вопросе с учетом известных критических замечаний. Нас в первую очередь будет интересовать вопрос соответствия буквенного содержания надписи предлагавшимся фонетическим и лексическим данным, а также выяснения тех приемов «работы», которые позволяли и некоторым другим авторам приходиться к желаемым для них результатам.

Как объяснял сам Кафоев, он «читал» Зеленчукскую надпись «...на кабардинском (адыгском) языке, не искажая текста, строго сохраняя имеющиеся там буквы, ибо, на наш взгляд, прочтение ее возможно без замены начертанных знаков другими». Автор изначально стремился отвергать чтение надписи «на осетинском языке», которое, по его мнению, построено на том, «что исследователи-дешифровщики зеленчукской надписи не посчитались с элементарными правилами расшифровки древних надписей. Так, например, исследователи внесли в текст Зеленчукской надписи несколько букв извне и тем самым исказили первоначальный текст. Одновременно ряд букв текста был заменен, неправильно были транскрибированы от-

дельные греческие буквы, а многие буквы вообще не были прочтены... допускаемые в практике расшифровок древних письменных памятников так называемые поправки к тексту в данном случае выходят за общепринятые рамки...»

Продолжая линию подобных заявлений, Кафоев утверждал: «При этом надо иметь в виду, что сами исследователи сомневаются в правдивости полученного текста, ибо, расшифровывая древнюю надпись, они вынуждены были ряд букв привнести в надпись извне, подменить или оставить непрочитанным ряд букв из имевшихся, неправильно транскрибировать отдельные буквы, что не могло не исказить смысл первоначального текста Зеленчукской надписи... Всего из 92 фиксируемых на плите знаков исследователи транскрибировали неправильно 12%, внесли в текст надписи необоснованно 6,5%, заменили более 7%, а 18,5% не расшифровали вообще... допускаемые в практике расшифровок древних письменных памятников так называемые поправки к тексту при чтении Зеленчукской надписи с позиций дигорского диалекта осетинского языка выходят за общепринятые допустимые рамки. Большинство дешифровщиков фактически читают не заданный древний текст, а совершенной иной, если можно так выразиться, — ими самими подготовленный, что далеко от истинного текста Зеленчукской надписи... Но, обладая правом гражданства, тезис об осетинской принадлежности Зеленчукской надписи до последнего времени мешает плодотворному и объективному изучению средневековой истории многочисленных народов Северного Кавказа».

Данные «замечания» станут трафаретными для последователей Кафоева, но «чи-

тавших» надпись на других современных северокавказских языках. Однако насколько они верны? Обратимся к построчному анализу.

Строки 1-2. Строка 1 состоит из одной буквы Ι, йотированной ι [5, 49; 6, 175]. Кафоев, не отрицая, что сокращения ΙС ΧС и ΙС ΧС ΝΙΚΑ хорошо известны в христианской эпиграфике, задается вопросами-сомнениями о периоде, с которого такие сокращения применялись в христианстве, кто (Византия или Рим) ввел эти сокращения, откуда такое пренебрежение к Иисусу Христу, что его имя сокращали. Он предлагает учитывать возможность распространения христианства на Северном Кавказе, как из Европы, так и из Малой Азии. Постановка этих вопросов [7, 25] указывает только на то, что Кафоев не имел ни малейших представлений о том, о чем пытался «рассуждать». Далее Кафоев, отрицая изображение креста на Зеленчукской плите как христианского символа (его, как и ΙС ΧС ΝΙΚΑ, он произвольно трактует как заимствование из язычества в христианства), предполагает, что ΙС ΧС могло бы быть своеобразным символом, как и нехристианский крест, и предлагает читать ΙС ΧС ΝΙΚΑ как «ищхъэщ икхъэ» — «изголовье могилы». Собственно ΙС ΧС «читается» как «ищхъэщ».

Нетрудно заметить, что прочтение «ищхъэщ» исходит из произвольных умозаключений, не имеющих иных письменных примеров, никак не соотносится с греческой графикой. Остается также непонятным, например, почему при «переводе» под сокращение попала только Э. Да и «изголовье» по-кабардински не «ищхъэщ», а «пиэщхъэг» [3, 154], πἰεσхъэг [8, 250], πἰεσхъэгъ (πἰεσхъэгъ), т. е. «верхняя часть, верх (шъхъэгъ, шъхъэгъ) постели (πἰεσ)» [9, 46-47]. Кроме того, Кафоев использует именно византийско-христианское ΙС ΧС ΝΙΚΑ для «перевода» с кабардинского, причем, не замечая, что никакого ΝΙΚΑ, вопреки его утверждению, в Зеленчукской надписи не наблюдается.

Курьезным выглядит и написание греческого ΝΙΚΑ как ΝΙΚΑ, т. е. с использованием русской (кириллической) буквы Н. Он даже не замечает, что в надписи нет ΙС, т. к. вторая

С была поглощена выбоиной [10, 114]. Исходя из логики самого Кафоева, это должно бы было послужить первым «примером» необоснованно внесенных в надпись букв. Но автор не делает этого, т. е. он с готовностью использует восстановление именно христианского сокращения имени Иисус. Кафоев никак не оговаривает наличие в строках 1–2 надстрочных знаков сокращения. Кроме того, его сокращение «ищхъэщ» оставляет без объяснений причину сокращения только этого слова во всей «кабардинской надписи».

В строках 1-2 мы, несомненно, имеем дело с принятым в греческих христианских надписях сокращением имени Иисуса Христа — Ι (ἱσου) <ς> Χ (ριστο) ς. Причем графическое начертание строки 2, представляющей сокращение Χ (ριστο) ς, имеет близкие территориально и хронологически параллели [11, 26, ил. 2, 3].

Строка 3. Определяется наличие 4 букв, которые объявляются непрочитанными предшественниками. Но в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» Кафоев им приписывается третья буква Г. Причем, она вновь курьезно передается в форме прописной строчной русской буквы г. Кафоев «читает» строку как ОАГΣ (или вновь с вариантом прописной строчной русской г) — кабардинское «уаджэщ». Значение такого кабардинского слова... самому автору остается неизвестным. В нем он распознает только отрицание «дж». Автору известно греческое ὁ ἅγι (ος) — «святой», которое и фигурировало как один из вариантов у его предшественников, но ему просто ближе кабардинские слова с отрицанием «дж». Он вообще полагает, что ΙС ΧС ОАГΣ появилось в Зеленчукской надписи совершенно самостоятельно, независимо от византийского периода христианизации народов Северного Кавказа. В своем «прочтении». Кафоев пропускает все слово ОАГΣ, ставя вместо него троеточие.

Сложно понять, почему Кафоев считал буквы не идентифицированными предшественниками, если в рисунке отводит им прочтение буквы г (на самом деле, γ — А. Т.). С другой стороны, все четыре приводимые им буквы ОАГΣ также имели

свою предшествующую идентификацию. Кроме того, тот же В. Ф. Миллер исходил из прочтения не γ , а более скорописных греческих γ , которые и уничтожаются Кафоевым в его рисунке. Остается необъяснимым со стороны Кафоева, почему первая Θ передает звук -у, третья Γ — сочетание или звук -дж. Исчезает в «прочтении» следующая Ξ (ср. со строкой 2).

Несомненно, в строке 3 представлена лигатура γ в более скорописное написание. Формы букв имеют близкие примеры в курсивном и минускульном письме. Лигатура γ минускульного письма неоднократно фиксируется в различных эпиграфических памятниках [12, 227, 229, 233; 13, taf. 6, col. 972, taf. 7, col. 1037, 1060, 1083, taf. 8, col. 1104, 1164, taf. 9, col. 1172; 14, 172]. Начальная γ в данной лигатуре соответствует одной из форм буквы минускульного письма [15, pl. II], которая близка и к форме курсивного письма [12, 194]. Данная форма представлена и в иных лигатурах [14, 172; 16, taf. 6, col. 1027].

В строке 3 мы, несомненно, имеем дело с греческим $\theta \acute{\alpha} \gamma \mu \iota$ ($\theta \varsigma$) — «святой», в котором две последние буквы были ошибочно представлены местами при нанесении надписи. Следует отметить, что хотя основная часть всей надписи исполнена поздним унциалом, но строки 1-5, 8-10 исполнены минускулом, который формируется в последней трети VIII в. [17, 30] и приходит на смену унциалу в IX-X вв.

Строка 4. Объясняется отсутствие первой буквы Λ , которая рассматривается как замена предшественниками действительно представленной в надписи буквы. Им же приписывается необоснованное внесение второй буквы Γ . Первое замечание выглядит странным даже с точки зрения знакомства самого Кафоева, судя по его сноскам, со «Сборником греческих и латинских надписей Кавказа» И. В. Помяловского. В нем представлены эпиграфические примеры написания Λ в форме, соответствующей форме первой буквы строки 4 Зеленчукской надписи [27, таб. 2, рис. 3, таб. 6, рис. 15, 17]. Пропуск буква ι в имени Λ (ι) $\kappa \omicron \lambda \alpha \omicron \varsigma$ фиксируется и по другим эпиграфическим памятникам [18, 221; 19, 76]. Представленная

здесь форма λ начинает наиболее часто употребляться с середины X в. [5, 49]. Остается без объяснений Кафоева прочтение двух букв Θ как -уэ, тогда как в строке 3 он читал Θ как -у.

Сам Кафоев читает первую букву строки 4 как Γ . Никакого основания к тому не приводится. Как справедливо заметил Л. Згусты, такой букве нет соответствия в греческом алфавите, заставляя подозревать, что само толкование навеяно буквой русского алфавита Γ . Учитывая и выше приведенные примеры, следует согласиться с Згустой, т.к. Кафоев неоднократно произвольно и ничем необоснованно задействует в своей публикации именно русский алфавит. Заметим, что и последнюю букву строки 5 он передает в форме Σ , хотя она уже у В. Ф. Миллера дана в форме греческой конечной ς .

Парадоксально, но Кафоев, отрицая христианский характер надписи, говорит о нанесенной на него «христианской эмблеме». По Кафоеву, Зеленчукская надпись содержит христианские символы и сокращения, но нехристианского происхождения и содержания. Все эти и выше приведенные рассуждения и заключения сходятся между собой в безвыходном клинче, что и не удивительно, т.к. они не имеют ничего общего с исторической действительностью.

Кафоев рассуждает над невозможностью «без натяжек и поправок» прочесть имя Λ $\kappa \omicron \lambda \alpha \omicron \varsigma$. Постановку исследователями знака вопроса после слова «святой» он расценивает как признание слова непрочитанным, а связь непрочитанного слова с отсутствующим в надписи именем Λ $\kappa \omicron \lambda \alpha \omicron \varsigma$ считает непригодным для датировки памятника исследователями. Во-первых, датирование памятника производилось исследователями совсем по другим данным. Во-вторых, знак вопроса, появившийся впервые у Миллера в « $\Theta \alpha \tau \varsigma$ (?)», а затем у В. И. Абаева в « $\Theta \alpha \dots \varsigma$ (?)», отражал профессиональную осторожность исследователей. Его появление связано с обстоятельствами, не понимаемыми Кафоевым. Причем, Миллер полагал наличие в строке пяти букв [10, 114], что более склоняет к принятию греческого $\theta \acute{\alpha} \gamma \mu \iota \varsigma$, которое принимает Абаев [41, 265].

Миллер работал на основании данных рисунка Д.М. Струкова и оттиска Г.И. Куликовского, которые расходились между собой в фиксации последней в строке 3 буквы О. Именно она позволяла бы полностью восстановить греческое слово, но, видимо, уже отсутствовала или четко не проявлялась в оттиске. Именно оттиску, как профессиональный исследователь, объективно отдал предпочтение Миллер, хотя для дешифровки он вносил дополнительные трудности.

Как уже отмечалось, исследователь полагал наличие в строке именно 5 букв (ο, α, γ, ι, σ), что вело бы к ὁ ἀγίος. Но сами по себе 5 букв (οαγισ) не поддавались вразумительной дешифровке, так как четко различались только буквы ο, α, ς. Поэтому исследователь сверх осторожно и предположил два возможных варианта решения. Причем, под вопросом, исходя из той же научной осторожности, он, в конечном итоге, поставил другой вариант — «Οατς (?)», который вообще остался незамеченным Кафоевым.

Сегодня мы объективно можем снять все эти трудности. Таким образом, в строках 4-5 мы, несомненно, имеем дело с греческим именем Ν (ι) κόλαος, которое принадлежит христианскому святому и к которому относится ὁ ἀγί (ος) предшествующей строки 3. Значение всех первых строк 1-5 полностью соответствует сопровождающему их изображению христианского креста («георгиевский/мальтийский крест», различные варианты которого широко распространяются с VI-VII вв.), а формы приводимых в них слов написаны в соответствии с византийской христианской традицией.

Строки 6-7. Первые буквы строк С и Р подвергнуты в рисунке Кафоева заметным изменениям. Но они не влияют на их идентификацию. Автор выделяет слово ΣΑΧΗΡ как кабардинское сэхыр, из «сэх» в именительном падеже с аффиксом именительного падежа -р, — «изваяние», «памятник». В общем же переводе оно дается в форме «сахыр». Таким образом, вторая буква Α читается то как -а, то как -э. Остается вспомнить замечание Л.И. Лаврова по поводу данного решения Кафоева, что кабардинское «сэх» означает «каменные столбы» [20, 219-220]. Заметим, что кабардинское слово

«сэх» имеет значение «столб (воротный)», в котором оно заимствованно и в диалект осетинского языка. Его значение и этимология [9, 60; 21, 98] категорически препятствуют указанной трактовке для Зеленчукской надписи.

Четвертая буква Η читается Кафоевым как -ы, хотя уже следующая (вторая в строке 7) Η будет прочитана как -и. Собственно, посылом к такому подходу служит то, что «...один из исследователей (Г.Ф. Турчанинов), признав слово Σαχηρ (6-я строка) кабардинским, не попытался расшифровать текст зеленчукской надписи с позиций кабардинского языка». Следует отметить, что греческая Η (η) со скошенной поперечной гостой, как в строках 7, 13 Зеленчукской надписи, начинает употребляться одновременно с обычной формой с VII-VIII вв. [5, 48].

Показательно и заявление автора: «...В.Ф. Миллер, В.И. Абаев, Б.А. Алборов, Г.Ф. Турчанинов буквы надписи «Ι», «Η», «Ι» читают одинаково... Возникает вопрос: какая из трех букв надписи, по мнению исследователей, передает русское «И»: «Ι», или «Η», или «Ι»? Исследователи не разъясняют причин столь произвольного транскрибирования букв надписи. Произвольное толкование отдельных букв древнего текста может свидетельствовать только о произвольном обращении исследователей с текстом Зеленчукской надписи» [2, 7].

Во-первых, никто из упомянутых исследователей никогда не «читал» в тексте кириллическую букву И. Во вторых, те же греческие буквы Ι (ι) и Η (η), как передающие один и тот же звук -и, например, были одновременно в таком качестве изначально заимствованы в кириллицу. Согласно эпиграфическим данным, греческая Η (η) [22, 129-132] еще сохраняла свое древнее значение для передачи ε, как минимум, до конца V в. н.э. Одновременно уже с первых веков нашей эры она начинает передавать и ι. В целом, переход η>/ι/, смешение η с ι отмечается с рубежа нашей эры [23, 208]. Преобладающим такое значение станет не ранее V в. н.э. [24, 15, 16; 25, 37; 26, 3].

Одновременное использование букв Ι (ι) и Η (η) для передачи одного и того же

звука наблюдается на раннесредневековых христианских памятниках [27, 74, № 69]. Использование η вместо ι представлено и на бронзовом литом кресте 1067 г. из района самого Зеленчука [28, 121], что в то время было более характерно для периферии Византии, а в центре, вероятно, встречалось в виде немногочисленных исключений в области официальной эпиграфики [29, 211]. Забавно, но такие безграмотные замены греческой буквы \Nu (ν) на русскую букву Н , а греческой H (η) — на русскую И наблюдались на подделках греческих надписей юга России, появившихся в конце XIX в. [30, 39]

Кафоев утверждает, что строка 7 заканчивается буквами $\Phi\text{O}\text{I}$, а исследователи «преобразовали» (заменяли) I в γ (ипсилон) и добавили (необоснованно внесли) буквы PT : «...чтобы в этой строке прочесть необходимое слово, исследователи реставрируют этот знак как «V» (ипсилон) и пополняют строку неизвестно откуда взятыми двумя буквами «PT»... Таким образом, произвольно изменив (реставрировав) отдельные буквы и необоснованно пополнив текст надписи, исследователи подготовили (написали) нужное и необходимое им слово « $\Phi\text{O}\nu\text{PT}$ ». Следовательно, ученые заготавливают для дешифровки новый текст Зеленчукской надписи для «чтения», хотя дешифровке подлежит древний текст, зафиксированный на Зеленчукской плите».

Таким образом, по Кафоеву, ученые, якобы, вставили отсутствующие в строке 7 буквы νPT , чтобы прочесть здесь слово « фурт », т.е. дигор. « фурт » — «сын». Также утверждается, без всякой аргументации, что в Зеленчукской надписи вообще нет соединения (дифтонга) ou . Сам Кафоев читает O как $-\text{y}$ или $-\text{eu}$, т.е. дает уже третий вариант ее прочтения. Знак I объявляется им разделительным без указания на основания такой трактовки. Кафоев усматривает в $\text{H}\Phi\text{O}$ ифу (фэу), составленное им из притяжательного местоимения третьего лица «и», « фэ » — «память», «лицо» и аффикса «уэ». Почему при соединении фэ с уэ полагается окончание в формах $-\text{y}$, — eu не объясняется. Тем более не объясняется, как в данном случае буква O Зеленчукской надписи объединила в себе передачу гласных корня и аффикса.

Все эти заявления сопровождаются путаницей с графической передачей букв греческого алфавита. Ипсилон — это греческая ν , а не γ — гамма. В приводимом νPT первая буква не ν (ипсилон), а ν (ню). Возражение по поводу дифтонга ou возражает... самому греческому написанию, в котором дифтонг ou передает звук $-\text{y}$. Поэтому исследователи и читали не « фурт », а furt , что имело закономерное и для Зеленчукской надписи фурт , т.е. они читали по правилам греческого написания. Монофтонгизация одного из восьми основных дифтонгов ou была достаточно давним явлением (с конца V в. до н.э.), но на письме дифтонг продолжал сохраняться (в таком виде он вошел и в кириллицу). В случае отдельного произношения над ν ставилась трема (две точки).

Исследователи, вопреки утверждению автора, ничего не заменяли и не добавляли. Ими использовались данные оттиска И. Г. Куликовского, которые четко фиксировали последнюю в строке 7 букву Υ (ипсилон), а не желаемый Кафоевым знак I . Над последними в строке 7 буквами $\text{O}\Upsilon$ и были нанесены еще две, более мелкого масштаба буквы pt , исправлявшие их ошибочный первоначальный пропуск или использовавшие метод выноса в надстрочное положение последних букв слова в конце строки. Миллер, как и большинство других исследователей, учел данный факт [10, 114]. Но Миллер не отразил его на своей репродукции Зеленчукской надписи.

Строка 8. Посылком к ее «прочтению» избираются первоначальные трактовки Г. Ф. Турчанинова, чтобы попытаться «переводить» с позиций кабардинского языка. Все пять знаков строки объявляются не прочитанными предшественниками. Однако первая буква строки X была идентифицирована всеми ими. Вторая буква O восстанавливалась Турчаниновым. Показательно, что в рисунке Кафоева «Зеленчукская надпись с поправками...» данная буква представлена как полноценная O , тогда как во всех известных к тому времени публикациях надписи сохранялась ее разомкнутая форма. Таким образом, для создания своего рисунка Кафоев уже, несомненно, пользовался прочтением Турча-

нинова, который также справедливо идентифицировал третью букву как В (β). Четвертая буква им же идентифицировалась как С (впоследствии как О), а пятая — как Н (η). Собственно, сам Кафоев полностью пользуется идентификациями Турчанинова [41, 49], но вносит все буквы в разряд непрочитанных предшественниками.

Из идентифицированных Турчаниновым букв строки 8 Кафоев составляет «Хъубс — адыгское имя», приводя и имя Хъупс из некоего фольклорного текста бжедугов. Оставляем в стороне вопрос соотношения «перевода» надписи с кабардинского языка за счет не паспортизированного бжедугского источника. Заметим, что ни форма Хъубс, ни форма Хъупс не могут привлекаться к прочтению, т.к. В (β) строки 8 могла передавать только звук -в, тогда как для варианта Хъубс. Кафоева на ее месте должна была бы стоять П. О приписывании Кафоевым букве О передачи различных звуков говорилось выше.

Строка 9. 4 буквы строки Кафоев вновь объявляет непрочитанными предшественниками. Однако три последние буквы строки 9 РНФ давно получили свою правильную идентификацию у всех предшественников. Для своего «прочтения» автор использует последнюю букву Н строки 8, которую соединяет с 3 первыми «буквами» строки 9, получая ИОЭРИ, соответственно «читаемое» как «иосри».

При таком прочтении остается непонятным, какие 4 буквы, как непрочитанные, имел в виду. Кафоев. Если даже исходить из его «прочтения», то в строке представлено 5 букв (ОЭРИФ). Но 3 из них, как буквы (РНФ) идентифицированы до Кафоева, хотя он упоминает о такой идентификации только для буквы Ф. Да и для начальных ОЭ, по Кафоеву, была уже опора в работе Турчанинова. В целом, математические нестыковки, видимо, лишь говорят о желании автора увеличить «инновационную долю» своего исследования.

Оставляем в стороне вопрос об использовании автором русской буквы И вместо греческой эта — Н (η). Кафоевым она вновь читается как -и, хотя ранее уже читалась и как -ы. Для О теперь используется четвер-

тый вариант «прочтения» как -о. Таким образом, отдельно взятая О ставит своеобразный «рекорд» для своего прочтения: — у, — уэ, — эу, — о. Показательно, что в данном случае. Кафоев игнорирует определявшееся Турчаниновым в начале строки 9 наличие лигатуры от и буквы О [41, 50]. Вместо нее он «читает» две первые «буквы» ОЭ.

Но такой трактовке прямо противоречит только соединительная между ними линия, являющаяся в данной лигатуре верхней частью буквы Т. Кроме того, для своей первой «буквы» О он использует форму замкнутого верхнего левого окончания лигатуры. Она впервые появилась в каплевидной форме в деривате Абаева, видимо, за счет небольшой неточности при перерисовке репродукции Миллера, в которой данное окончание разомкнуто. Кафоев еще и искусственно доводит в своих рисунках «Зеленчукской надписи с поправками...» и «Зеленчукской надписи, подлежащей дешифровке» данное окончание до формы правильного овала. На самом деле, первый знак строки 9 может быть идентифицирован как лигатура ото [31, tab. 17; 13, taf. 6, col. 972, taf. 7, col. 1045; 16, taf. 5, col. 914; 32, 52; 33, табл. VI (X в.)] с несколько поврежденным правым верхним окончанием.

Заметим, что в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» Кафоев очерчивает те части надписи, которые, по его мнению, содержат неправильно транскрибированные, необоснованно внесенные, замененные, вообще непрочитанные его предшественниками буквы. В такое очерчивание у него попадает вся строка 8 и строка 9 без последней буквы Ф. Безосновательность такого «определения» автора очевидна.

Строка 10. Для своего «прочтения» автор использует последнюю букву Ф строки 9, которую соединяет с 4 буквами строки 10, т.е. следует словоразделу своих предшественников. Вместе с тем, он возражает им, что вторая буква строки 10 не похожа на ипсилон (правда, вместо ипсилон — υ, как и ранее, ставит гамму — γ). Эту букву Кафоев считает сигмой. Причем, сигму он представляет как конечную сигму — ς. Во-первых, если это ς, то она должна стоять в конце слова. Но тогда сам Кафоев не может пред-

лагать своего «чтения» единой лексемы, в которой сигма должна стоять внутри слова — σ. Во-вторых, Кафоев в своем рисунке «Зеленчукской надписи, подлежащей расшифровке» искусственно придает второму знаку строки 10 дополнительные изогнутые верхнее и нижнее окончания. Но таких окончаний нет ни на одном из рисунков Зеленчукской надписи.

Данный факт говорит только о том, что автор преднамеренно искажает знак, стремясь добиться его визуального сходства с буквой ς. Мы можем полагать, что к таким действиям его подтолкнул дериват Зеленчукской надписи Абаева, опубликованный в «Осетинском языке и фольклоре» в 1949 г. В нем при перерисовке репродукции Миллера (или в результате типографской помарки) появился дополнительный изгиб у нижнего окончания знака [40, 263]. Вновь приходится констатировать, что Кафоев не имел ни малейшего представления и понимания об источниковой базе исследования Зеленчукской надписи.

Кафоев утверждает, что вторую букву ς строки 10 нельзя подменить буквой ι, не искажая текста, а потому невозможно прочесть «фоурт». Но дело в том, что именно А. Ж. Кафоев преднамеренно заменяет второй знак строки на искусственно созданную им букву ς. Чтение строки, на самом деле, не представляет никаких затруднений при привлечении данных греческой палеографии. В минускульном письме надежно представлена лигатура υρ [34, 16; 31, tab. 6; 13, taf. 7, col. 1045, 1059, 1078; 16, taf. 6, col. 1027, taf. 7, col. 1083; 12, 244; 35, fig. 9; 36, 30]. Среди примеров особенности соединения в ней букв представлена форма, соответствующая указанной для нашего случая [13, taf. 7, col. 1027]. Она фиксируется и на примерах иных лигатур с входящей в их состав буквой ρ [31, tab. 17; 13, taf. 8, col. 1124, 1136, 1159, taf. 9, col. 1172, 1186; 37, 99; 12, 244; 14, 173; 27, 61, 127, № 51; 35, fig. 9; 36, 20, 33]. Таким образом, в строке 10 мы имеем дело именно с лигатурой υρ, в пользу чего говорит и сама форма ρ.

Кафоев, объединяя последнюю букву Φ строки 9 с четырьмя буквами строки 10, «читает» лексему ΦΟΣΡΤ как «фэусырт». Ее он

составляет из префикса фэ- адыгского языка, при хуэ- кабардинского языка, и корнями «усэ», «усын». Вновь оставляем в стороне вопрос соотношения «перевода» надписи с кабардинского языка за счет привлечения теперь уже не бжедугского, а адыгейского источника. Только отметим, что вновь «не везет» букве О. Теперь она должна объединить в себе конечную гласную префикса фэ- и начальную гласную корней «усэ», «усын». Для -ы вообще нет буквенной фиксации.

Строка 11. Кафоев заявляет, что все исследователи читали первую букву Π как Б, трактуя такой подход как замену ими буквы. Но в данном случае исследователи исходили из наблюдения о передаче буквой Π звука -б, которого не было в византийско-греческом языке. Подтверждением тому служили и иные письменные источники, составленные на основе византийско-греческой графики. Причем, продолжая свою линию, Кафоев вновь курьезно в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» заменяет Π в строках 11, 12, 15, 16 на русскую печатную заглавную букву Б.

В строке 11 автор усматривает имя Пакъэ адыгоязычных народов, в котором пэ — «нос» и суффикс къуэ. Таким образом, по Кафоеву, вторая буква строки А передает звук -а, а четвертая буква строки А передает уже звук -э или -уэ, т. е. в последнем случае, тот звук, который ранее приписывался им букве О. Остается без объяснений, почему в Пакъэ при привлечении «пэ» и «къуэ» происходит переход э→а, уэ→э. Интересно также отметить, что в своей таблице неправильно транскрибированных, необоснованно внесенных, замененных, вообще непрочитанных его предшественниками букв Кафоев не находит для строк 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11 неправильно транскрибированных букв.

Строка 12. Выделяются начальные три буквы ΘΑΡ, которые интерпретируются как адыгское название бога «тхъэ» с аффиксом именительного падежа -р — тхъэр. Оставляем в стороне вопрос о подтверждении формы тхъэр. Ничем не аргументируется возможность передачи греческой Θ как тхъ. Кафоев утверждает, что предшественники начальную букву строки Θ передают как букву Т, полагая, что обе буквы передают

один звук. Автор настаивает, что при передаче одного и того же звука должна бы была использоваться одна буква. Таким образом, автор не понимает наблюдения Абаева, что в надписи двояко передается придыхательное *t*, включающее зависимость от его положения, в одном случае, внутри слова — *θ*, во втором случае, на исходе слова — *τ* [40, 269].

Отметим еще одну несообразность в «чтении» Кафоева. Для строки 11 он отмечал замену предшественниками буквы Π на Β (о ее русской форме уже говорилось), что «зафиксировал» в своих таблице и рисунке «Зеленчукской надписи с поправками...». Та же «фиксация» повторяется им и для строки 12. Для той же строки в таблице замена Θ на Τ, отраженная и в рисунке «Зеленчукской надписи с поправками...», определяется как неправильное транскрибирование. Однако по тексту речь идет о, якобы, замене букв. Получается, что сам Кафоев путается в собственных критериях понятий транскрибирования и замены букв.

Строка 13. Последние две буквы строки 12 ΠΑ и две первые буквы строки 13 ΚΑ вновь объединяются в ΠΑΚΑ. Затем вновь следует соответствующее чтение ΘΑΡ. Курьезность такого «прочтения» заключается еще и в том, что для чтения ΘΑΡ в данной строке отсутствует буква Ρ. Однако легко понять, откуда она взялась у Кафоева. Автор указывает, что В. И. Абаев, искажая текст надписи, заменил последнюю букву Ι строки 13 на букву Ρ. В таблице Кафоева это отражено как замена буквы, а в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» — уже как необоснованно внесенная.

Не будем вновь говорить о том, что последняя буква строки 13 не русская буква Ι (такая форма придается и в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...»), а греческая буква Η (η). Абаев не заменял Η на Ρ. Он полагал, что в надписи перед Η была пропущена буква Ρ, в чем могло сказаться проявление такого фонетического явления, как выпадение *r* между гласными [40, 266]. Данный момент в «прочтении». Кафоева ярко демонстрирует то, что его автор занимался не дешифровкой Зеленчукской надписи, а подбирал для своей трактовки любые известные ему примеры, в том числе

из исследований предшественников. Такой подход стал возможен только на том основании, что Кафоев не понимал разницы между источником и его научным изучением. В результате, он, видимо, уже бессознательно, смешивал данные источника и данные научных дешифровок, причем, при непонимании аргументации последних.

Строка 14. Последняя буква Η строки 13 и первые две буквы ΦΟ строки 14 вновь «читаются» Кафоевым как ΗΦΟ строки 7. Последние три буквы строки ΥΡΤ «читаются» как «уэрат», «уэрт» — «именно ты есть», «ты был есть», составляясь из «уэ» — «ты», указательного местоимения «ар» — «он», «это», «то» и суффикса утверждения *t*. Оставляем в стороне тот факт, что в тексте работы ΥΡΤ передается как γΡΤ, т.е. с начальной гаммой — γ, а не с ипсилон — υ. В трактовке Кафоева Υ выражает «уэ», т. е. звук, выражение которого ранее приписывалось им букве Ο или букве Α. Остается без объяснения объединение в таком выражении в Υ гласных на стыке «уэ» и «ар». Остается без объяснения появление в «уэрат» гласного Α перед согласным Τ. Если исходить из приведенного Α. Ж. Кафоевым примера «сэрат» — «я был это есть», как подтверждающего наличие Α, то без объяснения остается отсутствие его буквенной фиксации в ΥΡΤ.

В контексте собственного «прочтения» строки 14 Кафоев пытается возражать прочтению здесь «осетинского слова «фурт». Так прочел слово еще Миллер (в передаче Кафоева — фоврт или фовурт, т. е. с греческими ню — ν или гаммой — γ, вместе ипсилон — υ). Кафоев указывает, что в Зеленчукской надписи слово «фурт» состоит из 5 букв, тогда как осетинское слово «фурт» состоит из 4 букв. Как уже отмечалось, Кафоев настаивал на отсутствии в надписи дифтонга ου, передающего звук -у, тогда как его предшественники использовали именно такой дифтонг (в передаче Кафоева, ου, т.е. с гаммой — γ, вместо ипсилон — υ, сравни его γΡΤ), полагая, что «надпись на Зеленчукской плите выполнена на осетинском языке при соблюдении греческого правописания». Возражения автора могли бы быть значимыми только вне контекста самой Зеленчукской надписи с ее греческим пись-

мом. Впрочем, во многом именно вне такого контекста и реализуются трактовки самого А. Ж. Кафоева, в том числе, в отношении дифтонга *ou*, искусственно разделяемого им для отдельных лексем.

Строки 15-16. Кафоев читает как АНПААНАПА — *анэпальэнапэ* — «мать+равный+лицо». Слово предлагается понимать как «честь кормилицы». Оставляем в стороне вопрос о передаче буквой П соответствующего звука, поскольку Кафоев игнорирует значение составления надписи греческим письмом. Автор также заявляет, что «Абаев... после букв *λaNa*, ссылаясь на ошибку писца, вставляет букву N (в слове «А (н) балана») и этим искажает текст надписи». Этим, видимо, объясняется наличие «необоснованно внесенной буквы» в таблице Кафоева. Во-первых, слово имеет форму А (N) ПАААНН. Во-вторых, Абаев корректно отмечал, что пропуск буквы мог быть как ошибкой резчика, так и проявлением фонетического явления — носовое произношение начального -а в конкретном имени [40, 266]. К сожалению, Кафоев в очередной раз демонстрирует непонимание лингвистической стороны исследования надписи, стараясь вообще опускать аргументацию тех, с кем он «спорит».

Для первого слова «мать», которое может содержаться, по Кафоеву, в АН, более близко, например, черкесское «ан (э)». Поскольку автор «переводит» с кабардинского языка, то следует брать кабардинское «анэ» [38, 61] и задаваться вопросом о конечной гласной. Если же напомнить, что Кафоев вполне доброжелательно относился к утверждению Турчанинова о фиксации в строке 8 начального придыхательного Х, свойственного в такой позиции кабардинскому языку [41, 50-51], то тогда, по его же логике, следовало бы ожидать написание «хан». Для третьего слова «лицо/совесть», которое может содержаться, по автору, в НАПА, следует подразумевать кабардинское «напе», составленное по схеме «на» — «глаз» + «пе» — «рот» [9, 9; 8, 778]. Получается, что буква А передает два разных звука. Впрочем, в приводимом Кафоевым для сопоставления примере *нэпэ́лэ́эщI* для понятия «глаз» дается форма «нэ», а не «на».

Строка 17. Все буквы строки ААННФ в соединении с первой буквой О строки 18 «читаются» как *лЭныфIэу*, составленное из *лЭ*, соединительного суффикса *и*, *фIэ*, суффикса наречия *у*. В таком «соединении» остается без объяснения буква N, а буква О в очередной раз объединяет в себе передачу гласных разных частей слова.

Строка 18. «Читается» очередное *γPT* — «уэрат».

Строка 19. Первые две буквы ЛА «читаются» как *ла* строки 4, для которой безосновательно отвергалось чтение имени N (ι) *κολαος*. Не требует пояснений. Кафоев указывает, что «третью букву девятнадцатой строки — К проф. Абаев по непонятным причинам читает как Г, тогда как во всех остальных случаях (в строках 4, 11, 13) он читает ее правильно». В своей таблице автор относит букву к неправильно транскрибированному, а в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» ставит на ее месте русскую букву Г. На самом деле, Абаев рассматривал К как последнюю букву отдельной лексемы. Такой конечный к, вместо ожидаемого *γ*, легко объяснялся им тем, что звонкие согласные в паузе оглушаются [40, 267, 269]. Вновь следует отметить, что, к сожалению, Кафоев в очередной раз демонстрирует непонимание лингвистической стороны исследования надписи, стараясь вновь вообще опускать аргументацию тех, с кем он «спорит».

Строка 20. Последние две буквы КА строки 19 и все буквы ННТЭНР строки 20 «читаются» как *КАННТЭР* — «кьантазыр», составляясь из «кьан» — «воспитанник» и «тазыр» — «судьба», «рок». Оставляем в стороне вопрос о заимствованном из тюркских языков характере слова «кьан» и о позднем времени такого заимствования [39, 262], а также само значение и происхождение «тазыр» [9, 67]. Лишней в «перевод» Кафоева остается первая из двух буква Н. Для «тазыр» остается только ТЭР, что явно говорит уже о «дефиците» букв. В Зеленчукской надписи буквы Т и Э соединены между собой, что указывает на несомненное наличие лигатуры TZ (τζ), передающей один звук-ц. Кафоев в своих рисунках «Зеленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская

надпись, подлежащая расшифровке», убирает данное соединение, т. е. совершает их произвольное, искусственное расчленение. Но и при такой манипуляции в его «прочтении» букв отдельно для «тазыр» отсутствует буква А. Непонятно, куда девалась вторая Н, которой должно приписываться «чтение» — ы.

Строка 21. Три первые буквы ΘЄО «читаются» отдельно как «хэйуэ», составленного из наречия от прилагательного «хэй» — «честный» и суффикса уэ. При четко фиксируемой в надписи букве Х остается непонятным, почему на ее месте у Кафоева оказывается буква Θ. Причем, ранее автор приписывал этой букве передачу -тхъ. Вторая буква Є, по автору, передает эй. Причем, никаких аргументов для такого «прочтения» не приводится. Остается подозревать, что Кафоев использует, но без указания, наблюдение Турчанинова, что Є может быть сопоставлено с ясской краткой формой глагольной связки, равной дигор. æj, ирон. i, в которой i, следовавшая за ε (æ), была ошибочно не вырезана резчиком. Таким образом, Кафоев «приспособил» к «кабардинскому прочтению»... прочтение на основе аланского (иранского) языка. Остается отметить, что, исходя из утверждений самого Кафоева, вместо Є у него должна была бы фигурировать А.

Кроме того, Кафоев игнорирует тот факт, что после букв ΘЄ стоит точка, что отрицает наличие в его трактовке единой лексемы ΘЄО. Курьезно, что Кафоев, вопреки действительности, приписывает своим предшественникам игнорирование наличия данной точки, снимая ее изображение в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» Она появляется в его рисунке «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке». Но, как мы видим, в его собственном «прочтении» она «не подлежит расшифровке».

Далее Кафоев в своих рисунках «Зеленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке» придает букве С форму конечной сигмы — с, как он делал по отношению к другому знаку строки 10. Следовательно, автор не осознавал, что тем самым он отме-

чает конец слова, что противоречит его же «прочтению». На основе данных примеров можно вновь констатировать, что Кафоев занимался не дешифровкой Зеленчукской надписи, а подбирал для своей трактовки любые известные ему примеры, в том числе из исследований предшественников. Он не осознавал разницы между источником и его научным изучением, смешивая данные источника и данные научных дешифровок, не понимая аргументации последних.

Последние три буквы строки 21 Кафоев представляет как ΘΣΛ и «читает» как «щылъ» — «лежи», составленному из префикса «щы» и отглагольного корня «лбы». Таким образом, получается, что Кафоев нашел в надписи для Θ передачу уже третьего звука, причем, наиболее курьезного — никакого. Автор далее объясняет, что в Зеленчукской надписи С передает то звук «с», то звук «ш». Но в данном случае обращается к звуку «щ». Возможно, для его передачи ему следовало бы рассмотреть сочетание ΘΣ. Но тогда понадобилось бы обосновать такую трактовку, что автор не делает. Остается только заметить, что при привлечении «щы» и «лбы» звук -ы дважды остается без своего буквенного выражения. Кафоев не отмечает, что, по оттиску Г.И. Куликовско-го, в строке 21 над буквой С фиксируется знак сокращения — титло, который также препятствует предложенному автором словоразделу.

Остается только отметить некоторые «данные» рисунка «Зеленчукской надписи, подлежащая расшифровке». Этот рисунок являет собой пример произвольного обращения с источником и создания деривата надписи за счет субъективных представлений о ней. В рисунке формы букв подвергнуты определенной авторской переработке. В целом, они не изменяют общего состава букв, но наблюдаются и заметные искажения. В строке 3 вместо более скорописных үи остается только ү. В строке 5 конечная с заменена на с. В строке 8 второй знак восстановлен как О. В строке 9 верхнему левому окончанию лигатуры придана форма правильного овала. В строке 10 второму знаку придана форма конечной с. В строках 14, 18 у буквы Ү отсутствует нижний горизонт-

тальный отрезок. В строке 20 лигатура ТЭ (т̄) представлена как две отдельные буквы Т и Э. В строке 21 букве С придана форма конечной с, а следующему за ней конечному знаку строки форма буквы л.

Следует полностью согласиться с заключением Згусты: «Кафоев публикует измененный вариант копии Миллера... Публикация Кафоева — не репродукция Миллера, а рисунок, как показано в тексте. Этот рисунок не может использоваться для дальнейшей интерпретации, т.к. это дериват и измененный» [4, 46]. Только добавим, что нельзя использовать и измененной Кафоевым репродукции Миллера.

Згуста, отметив сильное изменение форм греческих букв в рисунке Кафоева, также указал на приведенные выше заметные изменения в строках 5, 8, 10, 21 (для с). Далее в форме единой таблицы Згуста произвел транслитерацию всех букв «перевода» Кафоева на латиницу в сопоставлении с греческими буквами Зеленчукской надписи и «черкесской кириллицей». Скрупулезный анализ данных таблицы и дополнительные наблюдения позволили Згусте аргументировано заключить:

«Эта таблица наглядно показывает несостоятельность прочтений... произвольные прочтения мотивированы только желанием получить подходящую черкесскую интерпретацию... фонетические значения были определены буквам с этой целью... метод, которым была достигнута интерпретация, отдельные сравнения и идентификации — неудовлетворительны. Сама интерпретация неудовлетворительна также в целом... абсолютно аномальное содержание и структура предложенного текста надписи... Дериваты отдельных слов и их интерпретации не менее произвольные... Нет необходимости следовать далее; интерпретация не может быть принята» [4, 46-57].

Причины столь неудовлетворительного и ненаучного результата работы Кафоева заключаются в игнорировании или изначально незнании этапов исследования эпиграфических памятников и их содержания [3, 154]. «Претензии» автора к работам своих предшественников представляются латентной формой перекладывания на труды «оп-

понентов» собственных квазинаучных «методов», позволивших ему придти к заключению, что можно «...читать зеленчукскую надгробную надпись на кабардинском языке, причем для этого не требуется вносить в первоначальный текст никаких поправок и дополнений. Надпись читается свободно, и слова текста в новой расшифровке подчиняются логике языка, язык — логике писца, писец — логике событий».

Эпиграфический этап работы Кафоева ограничивается только заявлениями о неких «эпиграфических трудностях», «эпиграфических данных». Иными словами, вся эпиграфическая часть работы Кафоева заключается только в заявлении о ней, при полном отсутствии такой работы. На данной «основе», игнорирующей целый корпус иных памятников, «палеографические данные», например, позволяют ему датировать памятник V в. и голословно связывать его с прямыми потомками синдов, которые оказались под сильным влиянием греческих городов-колоний, о чем, якобы, свидетельствует один образец письма. Несомненно, Кафоев не имеет никаких представлений, например, о наглядном различии раннего и позднего унциалов, о существовании минускула, лигатур и т. п. Он, как и его идейные последователи, вообще не имеет никаких представлений о данных греческой палеографии, которые, в действительности, категорически препятствуют желаемой для автора датировке, но позволяют принять датировку специалистами памятника XI-XII вв. Кафоев не осознает, что древняя Синдика располагалась совсем в ином месте, на черноморском побережье (его г. Горгиппия находился на месте современного г. Анапа), а сама история Синдики закончилась за многие столетия до времени создания Зеленчукской надписи.

Кафоев изначально заявил об отказе проведения лингвистического этапа работы. Однако его работа отражает имитацию такого этапа. Причем, автор даже не задается вопросом об историческом развитии языка, который, например, закономерно представлен в «осетинской версии» прочтения. Вместо этого, Кафоев, «читая» надпись по-кабардински, просто задействует примеры из

других родственных кабардинскому языком западнокавказской группы, дополняя их собственными произвольными конструкциями отдельных слов. Такой подход, в целом, давно получил в науке определения «сирены созвучий» и «лингвистической алхимии».

Кафоев также игнорировал филологический этап исследования, который полагает введение изучаемого памятника в круг аналогичных по типу памятников с целью установления его назначения, а также содержания, структуры, формул и словосочетаний его текста. Причем, для данного этапа любой исследователь имеет в своем распоряжении достаточно представительный корпус христианских эпиграфических памятников, в том числе, близких по времени и месторасположению Зеленчукской надписи. Вместо этого Кафоев занимался субъективными рассуждениями об истории христианства на Северном Кавказе, что понятно с той точки зрения, что без игнорирования соответствующего корпуса памятников невозможно бы было собственное произвольное «чтение». В результате автор произвольно и составил текст надписи с произвольной композицией, с произвольными формулами, с произвольными дериватами слов и т. д.

Заключительный этап исследования эпиграфических памятников — историческая интерпретация памятника — требует привлечения конкретных данных нарративных и археологических источников, их научных исследований. Вместо его проведения Кафоев предлагает общие рассуждения о том, что аланы и осы были не только прямыми предками современных осетин, а так назывались все народы Северного Кавказа, поэтому в аланском племенном объединении были и предки адыгского народа, которым и принадлежит Зеленчукская надпись. Автор данных сентенций явно не осознает различия в характере использования названия аланов в письменных источниках и его конкретного этнического, географического, полиэтнического содержания, зависящего от характера информации каждого конкретного источника.

Не осознает он и постулирования существования некоего единого адыгского на-

рода, как противопоставления его же представлениям об аланах. Причем, при таком подходе у него одновременно, по факту рассуждений, выделяются синды как предки кабардинцев. Заявления об отсутствии данных о приходе аланов и привлечение сведений Аммиана Марцеллина об объединении аланами различных народов свидетельствует, как об общем незнании аланской проблематики, так и частного непонимания книжного характера сведений Аммиана Марцеллина, объединившего под названием аланов народы, давно сошедшие с исторической арены.

Отсутствие научного подхода в исследовании Зеленчукской надписи Кафоева демонстрируется и тем, что заключительный этап исследования эпиграфических памятников у него, в отмеченной своеобразной форме, предваряет саму работу. Причем, в данном положении вновь в латентной форме на предшественников перекладываются не свойственные им собственные подходы, когда субъективные представления об истории диктуют субъективный «перевод» конкретного памятника. С сожалением следует констатировать, что цитированное Кафоевым определение И. Фридриха — «...из ничего нельзя ничего дешифровать. Если не за что ухватиться, если опора пока еще не найдена, значит, серьезных результатов достичь невозможно — остается лишь простор для беспочвенных фантазий дилетантов», — точно отражает суть «прочтения» Зеленчукской надписи самим Кафоевым.

В своем автореферате Кафоев заявлял: «Автор диссертационного исследования «Адыгские памятники» в меру своих сил и возможностей пользуется таким методом, привлекает к работе древнюю историю Кавказа, археологию, этнографию, эпиграфику, географию, палеографию, философию, фольклор готов, славян, скандинавов, фольклор и язык адыго-кабардино-черкесов. В этом собственно и заключается методика автора в исследовании древних памятников. Чтобы система аргументации была убедительной, на всех этапах изложения материала автор диссертационной работы строго стремился руководствоваться марксист-

ско-ленинским диалектическим методом... Наряду с нашей методикой чтения древних текстов... автор диссертационной работы придерживался этих указаний (И. Фридриха. — А. Т.) и осуществлял как дешифровку, так и интерпретацию надписей комбинаторским методом» [2, 4, 22]. Стоит удивляться, что никаких научных «методик» и «методов», как минимум, в части работы Кафоева по Зеленчукской надписи не прослеживается? Но вывод может быть только один. «Чтение» Кафоева должно быть категорически отвергнуто как не имеющее никакого научного основания.

1. Кафоев А. Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963.
2. Кафоев А. Ж. Адыгские памятники: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 1964.
3. Абаев В. И., Кузнецов В. А. А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик. Кабардино-Балкарское книжное изд-во. 1963. 153 стр. Тираж 1000. Цена 55 коп. // Вопросы истории. 1965. №12.
4. Zgusta L. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987.
5. Срезневский И. И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма // Приложение к XXVIII-му тому Записок Импер. Академии Наук. СПб., 1876. № 3.
6. Thompson E. M. Handbook of Greek and Latin Palaeography. London, 1893.
7. Кузнецов В. П. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., 1997.
8. Карданов Б. М., Бичаев А. Т. Русско-кабардинско-черкесский словарь. М., 1955.
9. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П-И. М., 1977.
10. Миллер В. Ф. Древне-осетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. III.
11. Голубев Л. А., Долечек Л. Л., Малахов С. Н., Пьянков А. В. Каменная стела с изображением креста из окрестностей поселка Архыз в Карачаево-Черкессии // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 2014.
12. Thompson E. M. An introduction to Greek and Latin palaeography. Oxford, 1912.
13. Gardthausen V. Griechische Palaeographie. Leipzig, 1879.
14. Faulman C. Das Buch der Schrift: Schriftzeichen und Alphabete aller Zeiten und Volker. Wien, 1880.
15. Cusuel Ch. Elements de Paleographie Grecque d'après la «Griechische Palaeographie» de V. Gardthausen // Nouvelle Collection a L'usage des Classes XVIII. Paris, 1891.
16. Gardthausen V. Griechische Palaeographie. Leipzig, 1913. Zweiter Band: Die Schrift, Unterschriften und Chronologie im Altertum und im byzantinischen Mittelalter. Mit 35 Figuren und 12 Tafeln.
17. Фонкич Б. Л. О датировке греческих минускульных рукописей IX в. // Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды Международной научной конференции. Москва, 5-7 сентября 2005 г. М., 2009.
18. Виноградов А. Ю. Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII-IX веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011.
19. Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. (Archaeologica Petropolitana, XIV). СПб., 2003.
20. Лавров Л. И. К чтению Аланской Зеленчукской надписи // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII. Языкознание.
21. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
22. Фридрих И. История письма. М., 1979.

23. Белоусов А. В. Греческая и римская эпитафическая Северного Причерноморья. 2011 // Аристей. М., 2012. Т. VI.
24. Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1891. №6.
25. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889-1891 годах // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1892. №9.
26. Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1909 г. (с 11 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1910. Вып. 37.
27. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
28. Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Средневековой Алании (Северный Кавказ) // Византийский временник. М., 1962. Т. XXI.
29. Пуцко В. Г. Греческая надпись из Воиня // Нумизматика и эпитафическая. М., 1974. Т. XI.
30. Бертъе-Делагард А. Л. Подделка греческих древностей на юге России // Записки Императорского Одесского Археологического Общества Истории и Древностей. Одесса, 1896. Т. XIX.
31. Hadgkin J. Excerpta ex Frider. Jae. Basti. Commentatione Palaeographica cum Tabules Lithographicis XX. Transcriptis. Londini, MDCCCXXXV.
32. Гардтгаузен В. Греческое письмо IX-X столетий // Энциклопедия Славянской Филологии. Издание Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1911. Вып. 3.
33. Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Таблицы. СПб., 1904.
34. de Montfaucon D. B. Palaeographia Graeca. Parisiis, M. DCC. VIII.
35. Groningen B. A. Short Manual of Greek Palaeography. Leiden, 1940.
36. Canart P. Lezioni di Paleografia et di Codicologia Greca. Vatican, 1980.
37. Wattenbach W. Anleitung zur Griechischen Palaeographie. Leipzig, 1895.
38. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А.-Н. М., 1977.
39. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.
40. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
41. Турчанинов Г. Ф. VI. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Эпитафическая Востока. М.-Л., 1958. Т. XII.